

ОТКАЗ ОТ МАТЕРИНСТВА КАК ЖИЗНЕННАЯ ПРОГРАММА

ОБ УМОНАСТРОЕНИЯХ ЖЕНЩИН В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

© 2015

Н.А. Мицюк

Ничего так не ненавижу на свете, как материнство.

Л.Д. Менделеева-Блок

Грех производить на свет больше детей,
чем вы можете воспитать.

*К.И. Дрекслер, доктор медицины,
дореволюционный российский гинеколог*

Последняя треть XIX века ознаменовалась изменением умонастроений российского общества, усилением социального брожения, ростом радикальных настроений. Перемены коснулись и такой, казалось бы, далекой от политики сферы, как семейно-брачные отношения, — того, что ныне называется гендерными стереотипами. Изучение биографий образованных женщин индустриальной России, чтение их дневников и писем, анализ публицистических работ дает основание утверждать, что в среде эмансипированных женщин, деятельниц революционного движения и просто интеллектуалок формировалось новое отношение к традиционным женским ролям — замужеству и материнству. Данный феномен давно привлекает внимание западных исследователей. В частности, К. Бинсвангер изучала материнскую тему в работах М. Цветаевой, Э. Шорэ пыталась понять причины резкого неприятия деторождения Л.Д. Менделеевой-Блок [7, с. 213–233; 47, с. 233–248]. Однако пренебрежительное отношение к материнству и даже отказ от него демонстрировали не только известные россиянки. Это явление выходило далеко за рамки литературной богемы. Что стало причиной его распространения в условиях пореформенной России? Как меняющаяся гендерная система в обществе формировала новое отношение к материнским ролям? Почему за короткий промежуток времени произошли существенные изменения в репродуктивном поведении женщин? Цель нашей статьи состоит в исследовании феномена отрицания материнства в качестве одной из жизненных стратегий дворянок и представительниц разночинной интеллигенции России.

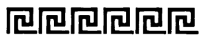
**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Мицюк
Наталья
Александровна** —
докторант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. В журнале “Человек” публикуется впервые.
E-mail: ochlokratia@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ; проект № 14-31-01217.

77

К.Г. Юнг полагал, что отрицание материнства для женщины, несмотря на всю противоречивость этого акта природе, является одним из древнейших “архетипов материнства” [50]. Согласно подходу социального конструирования гендера, нет исключительно женских или мужских ролей — общество создает определенные запросы и стереотипы в отношении “мужского” и “женского” поведения. В пореформенной России происходил процесс трансформации существовавшей гендерной системы: либерализация, эмансипация, феминизация, радикализация российского общества наносили существенный удар по традиционным женским ролям — жены и матери. Впервые в мужских “текстах” в рамках “женского вопроса” (Н.Г. Чернышевский, Н.В. Щелгунов, М.И. Михайлов, Н.И. Пирогов) были озвучены идеи о новых горизонтах для представительниц женского пола и соответственно стали пересматриваться их биологические функции, связанные с замужеством и материнством.

Социальное конструирование нового типа женщин осуществлялось на страницах литературных и публицистических работ 1850—1860-х годов. Русские классики создавали женские образы, противоречащие идеалу пушкинской Татьяны. Так, главная героиня романа Н. Чернышевского “Что делать?” Вера Павловна стала кумиром для многих молодых эмансипированных женщин 1860-х годов, стремящихся к независимой, свободной и деятельной жизни. В 1864 году появилось произведение Н. Лескова “Некуда”, где писатель противопоставляет Елизавету, нигилистку, вошедшую в состав столичной коммуны, Евгению, ставшей заботливой матерью и женой. В то же время в опубликованной тогда же пьесе “Зараженное семейство” Л.Н. Толстой крайне карикатурно изображает эмансипированных женщин и нигилисток. Подобные сюжеты нашли отражение в произведениях “Синий чулок” М.П. Чехова, “Обрыв” А. Гончарова, “Взбаламученное море” Ф.Ф. Писемского, “Трудное время” В.А. Слепцова и многих других.

Популярная в то время, а ныне известная только узкому кругу специалистов писательница Н.Д. Хвощинская в повести “Пансионерка” (1860) подробно описала жизненный путь своей героини Леленьки [44], поднявшейся от обычных интересов провинциальной барышни (беспечной, нацеленной на замужество) до стремления к новым горизонтам — образованию, социальной активности. Леленька порывает с традиционными семейными ценностями, навсегда отрекаясь от своего биологического предназначения. Примечательно, что поиск новой женской идентичности в этом произведении и ряде других начинался с отрицания героиней собственной семьи, а стремление самоутвердиться реализовывалось вне семейно-ролевых функций.

Вскоре сами женщины, преимущественно дворянки по происхождению, стали переосмысливать роль женщины в обществе, реальными действиями нарушая предписанное женщинам поведение. Они игнорировали все нарочито женское: миними-

Н. Мицок
Отказ
от материнства
как жизненная
программа

Открытие
викторианской
Англи с надписью:
“Злодей
по-прежнему
преследует ее”.
Начало XX века

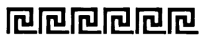
зировали свой туалет, не носили драгоценностей и пышных ярких нарядов, пренебрегали нормами светской морали, отказывались искать себе удачную “партию” и пр., — тем самым ставя под сомнение представления об идеальной женственности и ломая традиционный гендерный порядок. Модным веянием среди представительниц их круга стали фиктивные браки (С. Ковалевская, А.М. Евреинова), которые давали возможность замужним дамам уехать за границу. “Новые женщины”, увлеченные произведениями Ж. Санд (в 1860-е годы их называли “жоржсандистками”), драмами Г. Ибсена, защищали примат свободы в личной жизни. Их социальное поведение было формой девиации по отношению к традиционному жизненному сценарию, предписанному благовоспитанным девушкам.

Складывалась парадоксальная ситуация. Русская литература и публицистика воспевали противоречивые женские типы. С одной стороны, врачи, литераторы, религиозные философы защищали образ святого материнства, но с другой — и в классической, и в бульварной литературе авторы изображали совершенно иных женщин: ярких, свободных от предрассудков и великосветской морали, сексуальных, зачастую бездетных, живущих в мире страсти и любви [28]. Не так однозначны оказались литературные типы Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Очевидно, что в Анне Карениной (“Анна Каренина”), Настасье Филипповне (“Идиот”), Наталье Васильевне (“Вечный муж”), Анне Сергеевне фон Дидерич (“Дама с собачкой”) превалировала страстная черта их натуры, нежели материнские инстинкты.

Отказ от материнства впервые стало практиковать молодое поколение 1860-х — “шестидесятницы”. Материнству они противопоставляли получение научного (в противовес домашнему) образования (в том числе профессионального), социальную ак-

ОТКУДА И КУДА

тивность. Несмотря на господствующие стереотипы, во многом поддерживаемые “экспертным сообществом” врачей, психологов, литераторов (Ч. Ломброзо, В. Тарновский, Л.Н. Толстой), о том, что отсутствие материнской любви, материнского инстинкта у женщины сопоставимо с врожденной преступностью и врожденной идиотией, эмансипированно настроенные женщины настойчиво претворяли в жизнь собственные женские сценарии. Мать они сравнивали с “самкой”, подчеркивая ее близость природному состоянию и свое нежелание соответствовать такому стандарту. В этой связи современные исследователи констатируют большую корреляцию между высоким уровнем образования, публичной активностью женщины и понижением деторождений в ее жизни [6, с. 13]. И.С. Кон отмечает появление у женщин XX века тенденций, враждебных детоцентризму: “Социально-политическая эмансипация женщин и все более широкое их вовлечение в общественно-производственную деятельность делает их семейные роли, включая материнство, не столь всеобъемлющими...” [22].

Либерально настроенные феминистки Н.В. Стасова, М.В. Трубникова считали более правильным посвятить себя личному совершенствованию, борьбе за женские права, чем отдаться служению семье и детям. Многие из них оставались бездетными либо ограничивались рождением одного — двоих детей. Известная в начале XX века писательница Е.А. Колтоновская в собственных сочинениях (“Женские силуэты”, “Женщина в драмах Ибсена”, “Брюсов о женщине”) также пропагандировала новый тип женщины. Будучи убежденной в том, что материнство делает женщин пассивными, препятствует их личному самосовершенствованию, “враждебно творческим зовам” [20], Колтоновская, несмотря на замужество, не стала матерью. Отказ от материнства для молодых дворянок (“дочерей”), по мнению Б. Энгель, становился новой сферой для самореализации [52]. И.С. Кон указал на наличие трех важнейших зависимостей, во многом определяющих жизнь женщины XX века, — биологической, социальной и психологической [21]. “Шестидесятницы” разрывали традиционную зависимость от физиологических функций, связанных с продолжением рода (беременность, рождение детей), а также зависимость от последующей связи с детьми в период лактации, кормления грудью (“социальная зависимость”) ради освоения иных сфер деятельности.

В это же время на Западе стали появляться идеи “сознательного материнства”, которые не разделяли русские “шестидесятницы”. Современные отечественные исследователи основную причину такого положения дел видят в том, что для первых русских феминисток самым важным был вопрос не личного, женского освобождения, а освобождения России от феодально-абсолютистского строя [см.: 55; 33; 31; 49; 3; 53; 35]. Поэтому русским феминисткам первой волны концепция “сознательного материнства” казалась неуместной, враждебной женской свобо-

де и равноправию. Как отмечает Р. Стайтс, в первые несколько десятилетий после либеральных реформ в России происходил “настоящий семейный переворот” [35, с. 156].

В начале XX века в среде эмансипированных женщин, а также в профессиональном сообществе акушеров и гинекологов формируется новая концепция материнства, в основе которой — свобода репродуктивного выбора. Идея “свободного материнства” была тесно связана с проблемами политических, социальных прав женщин и отражала новые веяния в половой морали населения. В условиях разорения дворянских семей прокормить многочисленное потомство становилось все сложнее. Наблюдалась противоречивая ситуация: на фоне доминирования ценностей патриархальной семьи женщины не хотели бесконечно рожать, а мужчины не были способны обеспечивать многочисленные семейства. Сложившаяся дилемма нашла разрешение в негласно утвердившемся принципе “свободного материнства”. Так аристократки стремились преодолеть существующий “двойной стандарт” [43] по отношению к репродуктивному поведению.

Идеологически данная практика подкреплялась популярными в образованных кругах концепциями мальтузианцев и неомальтузианцев, сторонники которых доказывали, что рост населения должен быть ограничен во имя всеобщего процветания. Т. Мальтус в качестве ограничителя деторождения рассматривал половое воздержание, а его продолжатели (неомальтузианцы) активно защищали использование специальных средств контрацепции.

Несомненно, огромное влияние на формирование концепта “свободного материнства” оказала философия Эроса. Представители данного направления (философы, писатели, поэты), рассуждая о любви между мужчиной и женщиной, не рассматривали деторождение в качестве основного содержания их отношений. Вл. Соловьев в известной работе “Смысл любви” (1892—1894) писал о том, что сущность половой любви не сводится исключительно к продолжению рода. При этом мыслитель косвенно высказывался в пользу ограничения деторождения, полагая, что в мир должны приходиться не “различные образчики челове-

Иллюстрация из книги известного дореволюционного педиатра, популяризатора “сознательного материнства” В.Н. Жука “Мать и дитя” (4-е изд. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1905. С. 1053)

ОТКУДА И КУДА

чества”, а только “лучшие” [34, с. 22]. По мнению философа, между “силой любовной страсти и продолжением потомства” [там же, с. 24] вообще нет никакой связи; наиболее искренние чувства в истории всегда оставались бесплодными. В материнской любви, несмотря на силу ее самопожертвования, Вл. Соловьев видел гибель женской индивидуальности: “Мать, полагающая всю душу в детей, жертвует, конечно, своим эгоизмом, но она вместе с тем теряет и свою индивидуальность, а в них материнская любовь если и поддерживает индивидуальность, то сохраняет и даже усиливает эгоизм... В материнской любви нет... признания безусловного значения за любимым, признания его истинной индивидуальности, ибо для матери хотя ее детище дороже всего, но именно только как детище, не иначе, чем у прочих животных” [там же, с. 37]. Суть материнской любви мыслитель сводил к биологии, приравнивая ее к инстинкту; отцовские чувства вообще не рассматривал. К сожалению, приходится констатировать частое присутствие его категоричных утверждений в отношении женщины-матери в различных мужских дискурсах. Отечественный философ с легкостью вычеркнул материнскую любовь из перечня высоких чувств.

“У любящих не бывает детей” [46], — писала М.И. Цветаева, имея в виду великих влюбленных в истории (Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Амазонка и Ахиллес). Представительницы русского символизма открывали в материнских чувствах совершенно иные грани и формы. Цветаева в “Письмах к Амазонке” характеризовала “идеальное материнство” как “слишком цельное единство” между двумя любящими женщинами (!), одна из которых — “старшая” (“мать”), другая — “младшая” (“дочь”) [см.: 30]. Для поэта матрилинейность поведения женщины, распространяющаяся на все области деятельности и чувств, — главное, что отличает ее от мужчины. Схожий формат отношений между женщинами был описан Л. Зиновьевой-Аннибал в книге “Тридцать три уroda” (1907). Объяснить подобные трактовки “материнской любви” дает возможность теория лесбийских отношений (Т. де Лауретис, И.К. Сэдзвик, Э. Гросс), согласно которой связи между возлюбленными строятся по принципу материнско-дочерних. Таким образом, столь популярные в интеллигентской среде символисты не могли не повлиять на восприятие материнства (настоящего и потенциального) молодыми женщинами.

Новый тип поведения демонстрировали не только представительницы первой волны феминизма, будущие писательницы и ученые, но и обычные дворянки. Для многих из них материнство представлялось досадной случайностью, с которой те легко прощались. Так, Е.П. Майкова (жена Вл. Майкова, брата известного поэта А.Н. Майкова) в 1860-е годы без особых угрызений совести оставила своих троих детей и мужа, сбежав с заурядным студентом Ф.В. Любимовым. От их гражданского союза родился

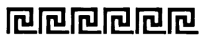

Н. Мицок
Отказ
от материнства
как жизненная
программа

Н. Пирсомани.
Бездетный
миллионер и бедная
с детьми. Начало
XX века

ребенок, от которого Екатерина Павловна поспешила вновь себя освободить, отдав на воспитание некоей М. Линдблом [10]. Отвергая собственное материнство, Майкова увлекалась написанием рассказов, которые публиковала в детских журналах. В подобных поступках проявлялась амбивалентность морали “новых женщин”. Они могли воспитывать словом чужих детей, трудиться на их благо, в то время как собственных детей бросали на произвол судьбы. Мало кто из аристократок решался на такой авантюрный шаг в жизни, как реальное бегство, но значительная их часть, судя по дневниковым записям, мечтала об этом. Вполне добропорядочные матери семейств выражали глубокую неудовлетворенность однообразной семейной жизнью, “закисанием” в браке, неспособностью “ни к какой общественной деятельности” [12]. Чтение современной популярной прозы рождало у них желание посвятить себя другому делу (образованию, профессиональному труду, филантропии).

Апологетами нового типа женщин, отказавшихся от естественной для того времени роли матери и супруги, были активные участницы народнического и революционного движения, во многом нигилистки по взглядам, В.Н. Фигнер, В.И. Засулич, С.Л. Перовская, О.С. Любатович (активная участница организации “Народная воля”, известная под прозвищем “Амазонка”), Е.К. Брешко-Брешковская (нареченная “бабушкой русской революции”). Первые три женщины никогда не состояли в браке и не имели детей. В их воспоминаниях вопросы, связанные с собственной фертильностью и исполнением матримониальных функций, полностью отсутствуют. Что касается Любатович, то, даже будучи беременной, она таскала ящики со взрывчаткой.

Беременность и рождение детей, по сути, были “побочным” результатом ее деятельности. Холодность матери к первенцу привела к тому, что девочка заболела менингитом и умерла. Вскоре Люботович родила вторую девочку, которую поспешила оставить знакомой на воспитание. Брешковская же, находясь в положении, активно участвовала в “хождении в народ”. Еще грудного ребенка она отдала в бездетную семью брата и занялась революционной деятельностью [см.: 17].

Как относиться к подобным проявлениям кажущейся женской жестокости? Ведь они доказывают не столько аморальность поведения матерей-революционерок, сколько чрезвычайную сложность в совмещении двух противоречивых сфер женского бытия. Материнство, уход за детьми “привязывают” женщину к домашнему очагу, делая зависимой от потребностей своего чада, заставляя целиком и полностью отдаваться материнскому долгу, ежеминутно быть ответственной за жизнь и здоровье маленького человека. В этой рутинной ежедневной работе нет места приключениям, опасностям, равно как и ощущениям величия, исторического значения своих действий. Революционная деятельность, напротив, была связана с духом авантюризма и порождала ощущение мессианизма. Кроме того, как и ребенок, она требовала полной самоотдачи, вплоть до жертвы. Дух революционной романтики и авантюризма, непредсказуемость завтрашнего дня никак не сочетаются с ответственной и размеренной жизнью матери. Оказавшись между двумя “детищами” — реальным ребенком и борьбой за изменение социальной реальности, — “новые женщины” эпохи (нигилистки, радикально настроенные женщины, а также феминистки) в большинстве случаев делали выбор в пользу собственных идейных убеждений. О.С. Люботович, к примеру, считала, что люди, посвятившие себя революционной деятельности, как солдаты “под градом пуль”, должны оставаться одни, полностью отдаваясь выбранному делу [56].

Сложно установить, что на самом деле испытывали матери-революционерки, бросавшие своих детей. Женской революционной автобиографической прозе не свойственны откровения о частной (семейной) жизни, словно для авторов текстов данная часть жизни была лишней, второстепенной, не заслуживающей внимания. При беглом ознакомлении с биографиями революционерок складывается впечатление, что подобный выбор давался им легко. Однако скрупулезное изучение дневников и воспоминаний таких женщин доказывает обратное. Как замечала А.М. Коллонтай, дворянка по происхождению, ей было невероятно трудно оставить четырехлетнего сына. Она трогательно описывала, как нежно целовала спящего ребенка, навсегда уходя из дома.

Пожалуй, точнее всего мучительность выбора матери-революционерки выразила Е.К. Брешковская: “Конфликт между любовью к ребенку и любовью к революции за освобождение

Н. Мицок
Отказ
от материнства
как жизненная
программа

Ю.П. Анненков.
Портрет жены
Е.Б. Анненковой.
1917

России стоил мне многих бессонных ночей. Я знала, что не могу быть одновременно заботливой матерью и революционеркой. Это несовместимо. Или одно, или другое целиком овладеет мной” [цит. по: 23; 56]. О личной драме Екатерины Константиновны писала А.А. Знаменская, укрывавшая “бабушку русской революции” в собственном доме в Симбирской губернии. Брешковская рассказывала, как тяжело ей далась встреча с уже взрослым сыном, которого она не видела с десятилетнего возраста. Находясь на каторге, революционерка мечтала о свидании с сыном, помногу раз представляла картину встречи, и эта мысль согревала ее. Когда, наконец, мечта осуществилась, то сердце матери, по свидетельству Знаменской, было разбито: «После 30 лет каторги, за время которой она ни разу не виделась с сыном, они встретились. Хотели понять друг друга и не сумели, и сын, уходя от матери, сказал ей на прощанье: “Я вижу мама, что ты недовольна мной... но что же поделать”. “Я не недовольна”, — с горечью ответила мать, — “но я вижу, что мы чужие друг другу и это мне тяжело!”» [2]. Приведенное свидетельство позволяет опровергнуть мнение о том, что деятельницы революционного

Л.Д. Менделеева-Блок. Портрет работы Т.Н. Гиппиус. Ок. 1910

движения были лишены материнских чувств, отрицая и презируя их. Очевидно, что для Е.К. Брешковской разлука с сыном, неспособность наладить теплые отношения стали глубочайшей личной драмой, о которой революционерка не переставала сожалеть, чувствуя в том свою вину.

Для многих представительниц либерального феминизма начала XX века материнские роли также занимали второстепенное место. Эпоха модерна культивировала новый тип благородной женщины, который предполагал отказ от “традиционных женских радостей: детей, семьи, семейно-домашней повседневности” [32]. Известная участница женского движения, член партии кадетов А.В. Тыркова-Вильямс, будучи матерью двоих детей, в своих многочисленных автобиографических сочинениях практически никогда не упоминала об их рождении и воспитании [см.: 27]. О.А. Шапир и А.Н. Шабанова также не рассматривали деторождение в качестве важного телесного опыта. В популярном феминистическом журнале “Союз женщин” (издатель — М.А. Чехо-

ва) анонимный автор писала о женщинах, которые “тяготятся” исполнением домашних обязанностей — воспитанием детей, домоводством, заботами об удобствах членов семьи, чувствуя себя в данной сфере “совершенно непригодными” [1]. Она называла таких “тоскующих в одиночестве”, страдающих, запертых исключительно в семейном кругу представительниц прекрасного пола “женщинами предрассветной поры”. Автор полностью не отрицала материнства, считая, что на смену ему должно прийти “новое материнство”, в котором женщина — прежде всего свободная личность, располагающая всеми средствами быть матерью и развивать собственную субъективность.

На страницах женских дневников фиксировались новые предпочтения дворянок. Активная участница женского движения либерального толка Н.В. Стасова писала: “Для меня исчезло очарование семьи, своей собственной, я почувствовала любовь ко всемирной семье; это стало моим идеалом, я с ним и умру!” [36]. Ее родственница, дворянка Е.Д. Стасова, известная большевич-

ка, считала семью темницей, вырвавшись из которой, можно заняться настоящим делом [37]. И. Арманд, прочитав в пятнадцать лет “Войну и мир”, была страшно разочарована судьбой Наташи Ростовской, которая, по ее мнению, превратилась в “самку”. В бумагах личного характера Арманд признавалась, что для нее смысл жизни состоит не в материнстве и замужестве, а в том, чтобы “стать человеком” [5]. В феминистическом духе она порвала связь с собственной семьей, посвятив себя революционной деятельностью.

А.М. Коллонтай после рождения сына оставалась верной женой и матерью в течение четырех лет, затем оставила семью, включившись в революционную борьбу. Ей принадлежат строки: “Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполняли весь день... Как только маленький сын засыпал, я целовала его мокрый от пота лобик, плотнее закутывала в одеяльце и шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина” [24]. Для Коллонтай любовь к собственному ребенку представлялась формой эгоизма. Она воспринимала замужество и материнство как нечто, ограничивающее свободу женщины. “Чтобы стать действительно свободной, женщина должна сбросить тяготеющие на ней путы современной, отжившей, принудительной формы семьи... При современных, обычае и законом утвержденных формах семейного уклада женщина страдает не только как человек, но и как жена, и как мать” [19], — писала Александра Михайловна в 1909 году. Для многих активисток социально-политического движения, нигилисток по своим убеждениям, материнство становилось помехой на пути дела всей их жизни. Отвечая во время проводившейся в Томском университете половой переписи на вопрос о пользовании противозачаточными средствами один из студентов-революционеров заметил, что “беременность удаляет женщину от политической и духовной жизни, лишает ее возможности быть членом общества” [48]. Данная мысль, озвученная безвестным революционером, была типичной для молодых представителей революционного класса.

В женских “текстах” начала XX века все чаще появлялась не просто критика материнства, но и крайняя степень его отрицания, граничащая с ненавистью. Подобную реакцию можно рассматривать как форму инвертированности материнского инстинкта. Современные психиатры страх женщины перед материнством отождествляют со страхом кастрации у мужчины [29]. Л.Д. Менделеева-Блок, дочь гениального российского химика Д.И. Менделеева и жена знаменитого поэта А.А. Блока, не скрывала, что с ранней юности материнство для нее было ненавистной мыслью. Именно ей принадлежат вынесенные в эпиграф данной статьи строки “Ничего так не ненавижу на свете, как материнство” [8, с. 64]. В отличие от революционерок, оставивших своих детей, Менделеева-Блок категорически не желала становиться матерью. В собственных дневниковых записях

ОТКУДА И КУДА

“И быть, и небылицы” [там же] она предельно откровенно поведала о своей страсти, эмоциональных переживаниях и сексуальных отношениях. Менделеева-Блок была не только возлюбленной и женой великого русского поэта, но и реальным воплощением блоковской Музы и “Прекрасной дамы”. Этот приписанный мужем образ святой бестелесной вдохновительницы раздражал Любовь Дмитриевну. Всем своим поведением она стремилась преодолеть навязанный ей образ и найти собственную женскую субъективность. Зарубежные исследователи полагают, что разглашение Л.Д. Менделеевой-Блок своих внебрачных связей с мужчинами было одной из форм протеста против навязанной ей роли “десекуализированного идеала женственности” [47, с. 238]. Любовь Дмитриевна описывала не высокую платоническую любовь, а земную, телесную.

Легализуя право на сексуальность, свободу телесных практик, независимость от стереотипов гендерного поведения, Л.Д. Менделеева-Блок патологически боялась становиться матерью. Выходя замуж, она просила мужа никогда не заводить детей. Все же забеременев, не находила себе места, отчаянно пытаясь осуществить аборт. Родившаяся девочка вскоре умерла. Свое отрицание материнства она объясняла желанием сосредоточиться на собственной личности, развиваться интеллектуально, духовно, эстетически. Любовь Дмитриевна была убеждена, что с рождением ребенка женщина больше не принадлежит себе, а значит перестает быть личностью. В то же время брезгливое отношение к себе во время беременности дает основание предполагать, что Менделеева-Блок опасалась потерять контроль над собственным телом, лишиться его привлекательности. Создавая новый конструкт женственности, жена великого поэта стремилась освободить себя от навязанных штампов, с одной стороны, противостоя образу “Прекрасной дамы”, а с другой — отрицая традиционное представление о женщине-матери. По мнению канадской исследовательницы Д. Престо, подобное поведение жены, смерть их ребенка оказали особое влияние на творчество А.А. Блока, в котором нашло воплощение трепетное и драматичное изображение материнства (смерть ребенка становилась символом драматичности) [54]. В конечном итоге стремление Менделеевой-Блок к собственной свободе выражалось не в творческом акте, созидании, а в бегстве от предписанных поведенческих сценариев.

Схожие рассуждения о материнстве переполняли страницы феминистических журналов. Так, в понимании одной из читательниц “Женского вестника” г-жи Тюменцевой материнские заботы препятствуют развитию в женщине свободной личности, превращая ее в “пошлую”, “скудную самку, вечно дрожащую за своих детенышей, в своем безотчетном эгоизме заедающую жизнь семьи и своего мужа” [см.: 18]. Детей г-жа Тюменцева называла “позором” и “вечным проклятием” для женщины. Чем объяснялась столь высокая ненависть к материнству и детям —

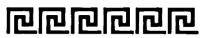

сказать сложно. Но на рубеже XIX—XX веков женщины стали открыто демонстрировать отвращение к традиционным материнским ролям; отрицание женской фертильности становилось для многих проявлением своей инаковости.

Симпатизирующая социал-демократам В. Холмогора опубликовала статью с критикой главной героини популярного в Европе романа Д. Риш “Бесплодная”. Она полностью разделяла пренебрежение персонажей романа к деторождению. Позиция же г-жи Дервилье, которая мечтала стать матерью, приводит читательницу-феминистку в ярость: “Духовная индивидуальность г-жи Д., по-видимому, еще не настолько окрепла, чтобы бороться с зоологическими инстинктами, а они, притаившись в сфере бессознательного, совершенно поглотили ее интеллект. Особенно бросается в глаза несостоятельность теоретических убеждений героини, ее неспособность подняться до понимания общих идей” [45, с. 39]. Речи героини Холмогора называла “невнятным лепетанием о материнстве”. Сама же феминистка энергично отстаивала идею “свободного материнства”, отрицая укоренившийся образ погруженной в семейную жизнь многодетной матери. Холмогора дала емкое и точное определение “свободному материнству” — “производить потомство в наилучшую пору своей жизни и главное тогда, когда в ней [женщине] самой назрела эта потребность” [там же, с. 40].

Тенденция отказа от материнства была распространена среди представительниц различных сословий. Р. Стайтс приводит такие сведения: по результатам анкетирования, проведенного в 1912 году среди студенток, четверть из них отрицательно отзывалась о замужестве и материнстве [35, с. 256]. Юная Н.А. Миротворская, дочь священника Рязанской губернии, писала в дневнике: “Я живу интересной, удовлетворяющей меня жизнью. А что несет с собой брак?... беременность, роды, воспитание ребенка... А воспитание ребенка, особенно в первое время, так много отнимает времени у женщины! Я не могу представить себе, что я буду чем-нибудь связана, не могу пойти туда, куда хочу, поехать, куда тянет. Я хочу быть свободной! Замужество — это цепи...” [25]. По очевидным причинам (финансовая обеспеченность, наличие образования, доступность контрацепции) женщины из высших классов общества могли успешнее реализовать эту тенденцию.

Реклама женских противозачаточных средств в газете “Смоленский вестник” за 1908 год

Между тем далеко не всем дворянкам удавалось сделать свободный выбор, отказавшись от традиционного женского сценария. Изучая женскую психологию 1920-х годов, Х. Дойч определила психическую норму для женщины того времени через понятия зависимости и жертвенности [51]. Как полагала исследовательница, в повседневной жизни женщина должна приспособливаться к традиционным социальным ролям во имя обеспечения своей “нормальной” психологической идентичности. Осознавая свою неполноценность вне брака, выйдя замуж, аристократка прощалась с девичьими грезами, полностью растворяясь в домашних делах. В то же время брак, дети не приносили удовлетворения, следствием чего становились бесконечные душевные терзания. Чувство безысходности и бессмысленности не покидало женщину. Ее жизнь превращалась в “истерическое существование”. Психиатры, изучавшие с конца XIX века феномен женской истерии, все чаще приходили к выводу, что частыми причинами названных состояний становились подавленные, репрессированные желания. Наиболее известной патологией был “случай Доры”, описанный З. Фрейдом [42].

Женские эго-документы, отворившие дверь в мир экзистенциальных мыслей и эмоциональных переживаний своих авторов, часто раскрывают репрессированную женскую индивидуальность. А.И. Успенская, сестра известной народоволки В. Засулич, впоследствии участница революционного движения, будучи на девятом месяце беременности, стыдилась своего положения: “Мне стыдно было осознавать, что у меня есть личная жизнь, личные интересы” [40]. С.А. Толстая обреченно характеризовала свою жизнь как бесконечную цепь материнства: “Описание моей жизни делается все менее и менее интересно, та сводится все к одному и тому же: роды, беременность, кормление, дети...” [39]. Вся семейная жизнь Толстой складывалась из попыток убедить себя в том, что рождение детей, их воспитание, любовь к ним и мужу — основное ее предназначение. Однако роль жены и матери не делала Софью Андреевну счастливой; желание чего-то иного, более важного, персонифицированного в своей жизни, позволяющего самоутвердиться как личность, не покидало жену великого русского классика.

О том же на страницах дневника писала А.А. Знаменская, вся жизнь которой, вплоть до зрелого возраста, складывалась из бесконечных, зачастую нежеланных родов, кормлений, смертей детей [11, л. 27]. Только после гибели мужа-тирана, когда дети стали самостоятельными, Знаменская смогла заняться тем, что ей действительно представлялось интересным — благотворительностью и общественно-политической деятельностью. Е.И. Дьяконова, автор известного “Дневника русской женщины” упрекала сестру за то, что та сразу же после замужества забеременела, поставив крест на своей мечте — получении высшего образования: “С первых же дней сестра была беременна. Она

такая бесхарактерная. Он стал убеждать ее, что теперь нечего и думать о курсах, что я фантазерка и учусь совершенно напрасно. Вместо того чтобы ехать жить в Петербург, взял место в N... Так и пошла жизнь сестры в узком домашнем быту...” [13; 15]. С сожалением о таких женщинах говорила и активистка женского движения Е.И. Конради. В “Исповеди матери” (1876) Евгения Ивановна рассказывала о юных барышнях, свою юность посвятивших учению, поступивших в университеты, стойчески терпевших тяжелые условия жизни на съемных квартирах, урезавших себя во всем, даже в обедах, ради образования; но рождение детей ставило крест на всех их планах, превращая амбициозных барышень в “куриц-наседок”.

Сам факт беременности и рождения детей воспринимался ими обусловленным природой, свойственным всему животному миру, а потому никак не выделявшим жизнь конкретной женщины. Т.Л. Сухотина-Толстая замечала в дневнике: “Так много предстоит радостных событий, женитьбы, рождение детей, что, кажется, эти события и составят самую жизнь, но это — опасный обман. Если родители проживут и нарожают детей, не имея цели жизни, то они отложат только вопрос о цели жизни и то наказание, которому подвергаются люди, живущие, не зная зачем, они только отложат это, а не избегут, потому что придется воспитывать, руководить детей, а руководить нечем. И тогда родители теряют свои человеческие свойства и счастье, сопряженное с ними, и делаются племенной скотиной” [38].

Кроме субъективных источников о новых предпочтениях женщин свидетельствовали и статистические материалы. А.Г. Вишневецкий обратил внимание на тот факт, что на протяжении всего пореформенного пятидесятилетия происходили наибольшие изменения в брачном поведении населения. Он констатировал тенденцию увеличения возраста вступления в первый брак, а также повышения доли женщин, остающихся незамужними. Согласно переписи населения 1897 года, последнюю группу составляли более 15% горожанок в возрасте 30—39 лет и более 11% — в возрасте 40—49 лет [9, с. 117]. Виш-

Карикатурное изображение акушерок (частно-практикующие акушерки все чаще зарабатывали не на принятии родов, а на прерывании беременности). Начало XX века

Вл. Шестаков.
Бездетная старость.
2000

ности могло быть продиктовано не только феминистскими взглядами женщин, но и вполне тривиальной причиной — отсутствием привязанности и даже ненавистью к мужу. О существовании подобной установки писали известные психологи и психиатры (Х. Дойч, М. Кляйн, Т. Бреннан и др.). С одной стороны, свое отношение к браку дворянки проецировали на потенциального ребенка от этого союза. Так, мемуаристка Е.И. Жуковская писала: “Вскоре по отправке этого вида, к ужасу своему, я убедилась, что беременна... Я только в том случае могу любить ребенка, если мой муж никогда его не увидит” [16]. Двадцатилетняя О. Лопухина, размышляя о своем браке, ужасалась одной только мысли иметь ребенка от нелюбимого человека: “Я нахожу, что это ужасно иметь ребенка от человека, которого не любишь” [14]. С другой стороны, нелюбовь мужа, постоянные унижения и даже акты бытового насилия, исходившие от него, рождали в женщине ненависть к себе беременной и будущему ребенку. В таком браке женщина теряла собственную идентичность, мученически исполняя роль жертвы. Зачастую ее самооценка была продиктована позицией и взглядами мужа. “Он видел только перед собой несчастную фигуру, с вздутым животом, ленивую, апатичную, с безобразной

невский отметил и еще одну особенность матримониального поведения населения: рост числа женщин, которые, овдовев, отказывались заключать повторный брак. По мнению исследователя, данное обстоятельство свидетельствовало в пользу роста “независимости, самостоятельности, гражданского самосознания русской женщины” [там же, с. 119]. Эмансипация женского населения особенно быстро проходила в крупных городах. В. Михневич в работе “Язвы Петербурга” обнажил социальные пороки столичного города. Дореволюционный исследователь указал на “анти-семейный” характер Петербурга 1880-х годов, в котором все больше молодых людей предпочитали браку, семье свободный образ жизни. Этот город он находил раем для юных “эмансипэ”: “Для женщин, обреченных на одиночество и эмансипированных от брачных уз, Петербург может считаться самым удобным и самым заманчивым из всех русских городов” [26].

Негативное восприятие беремен-

рожей” [11, л. 35об], — так описывала ситуацию ненавидевшая себя беременной А.А. Знаменская. Будучи матерью семерых детей, Знаменская признавалась, что материнство оказалось вовсе не тем, чего она ожидала. Каждая новая беременность воспринималась ею как неотвратимое наказание.

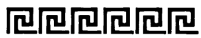
Таким образом, “новые женщины” рубежа XIX—XX веков на практике или в теории стремились доказать возможность реализоваться вне семьи, занимаясь образованием, профессиональной деятельностью, участвуя в феминистическом или революционном движении. Всё расширяющиеся горизонты публичной деятельности делали приватную сферу семейной жизни, брак и следовавшее за ним материнство не единственным жизненным сценарием для женщины. В распространявшейся “эмансипированной” литературе культивировался новый тип женщины. Даже работы медицинского характера нередко содержали призыв восстать против положения “безвольной рожаящей машины” [41]. Все чаще на страницах своих дневников юные барышни высказывали мысли о нежелании вступать в брак. Они либо априори отрицали материнство, либо полагали, что последнее, в силу различных причин (необходимость самостоятельно зарабатывать на хлеб, обеспечить себя и потомство, получить высшее образование), должно быть отсроченным, в связи с чем не спешили заключать браки. Эмансипация дворянской женщины, вышедшая далеко за рамки столичного общества, вводила материнство в ранг того ограничителя публичного самовыражения женщины, что депривирует иные жизненные сценарии. С помощью отказа от материнства женщина конструировала собственное “Я”, стремясь найти свою гендерную идентичность вне традиционных женских ролей, обусловленных биологией. Поскольку, по словам Б.М. Бим-Бада, “женщина, выступающая в роли живой машины для рождения детей, практически не имеет шансов на социальное освобождение, ей крайне трудно получить хорошее образование и практически невозможно построить успешную профессиональную карьеру” [6, с. 71].

В то же время следует учитывать, что дворянки того времени отрицали материнство не столько из-за собственных убеждений, сколько из-за сложности совмещения двух сфер бытия — частной и публичной. Ввиду незрелости социальных институтов (отсутствие поддержки материнства и детства), зависимого положения женщины в семье и обществе, доминирования принципа “разделения сфер” в семейной жизни, малого участия мужей в исполнении родительских функций, материнство зачастую являлось для “новых женщин” эпохи не сосредоточением женских радостей, а приговором, ставящим крест на их личной свободе и самореализации. Отрицание деторождения в собственной жизни становилось протестом против навязанного извне конструкта идеальной женственности и средством, позволяющим реализоваться на иных (кроме материнства) поприщах человеческой деятельности.

Литература

ОТКУДА И КУДА

1. А. Женские силуэты предрассветной поры // Союз равноправия. 1909. № 11. С. 17–44.
2. Автобиография А.А. Знаменской // РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 400. Л. 26–26об.
3. *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политической истории и теории. М., 1998. URL: http://www.owl.ru/win/books/rw/o1_2.htm (дата обращения: 08.07.2014).
4. *Антонова А.Ю.* Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию Childfree: на грани экстремизма // Полит. лингвистика. 2013. № 2. С. 171.
5. *Арманд И.* Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С. 247.
6. *Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н.* Модернизация института семьи: макро-социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010.
7. *Бинсвангер К.* Тема материнства в *Mon frère feminine* Цветаевой // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования: Сб. ст. / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. М.: Изд-во РГГУ, 2003.
8. *Блок Л.Д.* И бэль, и небэлицы о Блоке и о себе. Бремен: К-Press, 1979.
9. *Вишневский А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977.
10. *Володина Н.* Воспоминания Е.П. Майковой: опыт жизнетворчества // University of Toronto. Academic Electronic J. in Slavic Studies. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/28/volodina28.shtml#top> (дата обращения: 12.06.2014).
11. Дневник А.А. Знаменской за 1866–1889 гг. // РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383.
12. Дневник А.А. Знаменской за 1890–1891 гг. // РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 385. Л. 73.
13. Дневник Е. Дьяконовой. “Дневник одной из многих” // ОР РГБ. Ф. 375. Картон 2. Д. 1. Л. 4.
14. Дневник О.А. Мятлевой. 1896 г. // РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 499. Л. 99об.
15. *Дьяконова Е.И.* Дневник Е.И. Дьяконовой. М.: Изд. В.М. Саблина, 1912. С. 322.
16. *Жуковская Е.И.* Записки. Воспоминания. М.: Аграф, 2001.
17. *Зензинов В.* Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
18. *Иванова.* Ищите женщину в русской литературе // Жен. вестн. 1910. № 1. С. 16.
19. *Коллонтай А.* Социальные основы женского вопроса. СПб.: Знание, 1909. С. 111.
20. *Колтоновская Е.А.* Женские силуэты (писательницы и артистки). СПб.: Тип. акц. общ. “Самообразование”, 1912. С. IX.
21. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. С. 43.
22. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Academia, 2003. С. 268.
23. *Копришова А.* Радость революции вместо радости материнства // Рус. слово. 2005. № 3. URL: <http://www.ruslo.cz/articles/137/> (дата обращения: 12.06.2014).
24. *Либкинд Б.* О женщинах. Ч. 2. URL: <http://www.photokonkurs.com/liebkind/stihi/rezenzii/Ozhen2.htm> (дата обращения: 05.05.2014).
25. *Миротворская Н.А.* Две тетради. М.: Галерея-СТО, 2010. С. 182.
26. *Михневич В.* Язвы Петербурга: Исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1886. С. 396.
27. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канишев. М.: Росспэн, 2012.
28. *Новополн Г.С.* Порнографический элемент в русской литературе (1907–1908). СПб.: Изд. М.М. Стасюлевича, 1909.

29. *Полюда Е.* “Где ее всегдашнее буйство крови?” Подростковый возраст женщины: “Уход в себя и выход в мир” // Пол. Гендер. Культура. ... С. 128.
30. *Полякова С.В.* “Незакатные оны дни”: Цветаева и Парнок // *Полякова С.В.* “Олейников и об Олейникове” и другие работы по русской литературе. СПб.: Инапресс, 1997. С. 188–269.
31. *Пушкарева Н.Л.* Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // *Женщина в российском обществе.* 2002. № 2–3. С. 32–37.
32. *Пушкарева Н.Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // *Женщина в российском обществе.* 2008. № 2. С. 10.
33. *Пушкарева Н.Л.* У истоков женской автобиографии в России // *Филол. науки.* 2000. № 3. С. 69.
34. *Соловьев Вл.* Смысл любви // *Русский Эрос, или Философия любви в России* / сост. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991.
35. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: Росспен, 2004.
36. *Стасов В.В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. С. 387.
37. *Стасова Е.Д.* Воспоминания. М.: Мысль, 1969. С. 16.
38. *Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. 2 ноября 1882. М.: Современник, 1979. С. 76.
39. *Толстая С.А.* Моя жизнь // *Новый мир.* 1978. № 8. С. 123.
40. *Успенская А.* Воспоминания шестидесятницы // *Былое.* 1922. № 18. С. 33.
41. *Фишер-Дюкельман А.* Женщина как домашний врач. М.: Изд. Асхаранова, 1903. С. 179.
42. *Фрейд З.* Фрагмент анализа истерии (история болезни Доры) // *Фрейд З.* Избранное. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 177–336.
43. *Фридан Б.* Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994. С. 54.
44. *Хвоцинская Н.Д.* Повести и рассказы. М.: Московский рабочий, 1984.
45. *Холмогора В.* “Бесплодная” по поводу романа Даниэля Риш // *Жен. вестн.* 1911. № 2.
46. *Цветаева М.И.* Письмо к Амазонке // *Собр. соч.:* в 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза, статьи, эссе, переводы. М.: Эллис Лак, 1994. С. 485.
47. *Шорэ Э.* “Ничего так не ненавижу на свете, как материнство...”: Конструкты женственности и попытки преодоления их в воспоминаниях Л.Д. Менделеевой-Блок // *Пол. Гендер. Культура.*
48. *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. С. 355.
49. *Юкина И.* Русский феминизм как вызов современности. М.: Алетейя, 2007. С. 321.
50. *Юнг К.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
51. *Deutsch H.* The Psychology of Women. Vol. 2. N.Y.: Motherhood, Grune & Stratton, 1959.
52. *Engel B.* Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth century Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. P. 8.
53. *Lindenmeyr A.* Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *J. of Women’s History.* 1993. Vol. 5, № 2.
54. *Presto J.* Beyond the flesh. A. Blok, Z. Gippius and the symbolist sublimation of Sex. Univ. of Wisconsin Press, 2008. P. 60–62.
55. *Pushkareva N.L.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk (N.Y.): M.E. Sharpe, 1997. P. 219.
56. *Wood E.A.* The Baba and the Comrade. Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1997. P. 23.